

КОСТЯНАЯ
СКАЗКА

Ночь опустилась на землю черным бархатом — плотным, но обманчиво мягким. В его всполохах робко мелькало серебро редких звезд и краешек желтого, как кусок теплого масла, осколка луны. Ветер протиснулся меж щелей прикрытых ставен и дохнул на меня лесной свежестью — такой долгожданной после жаркого летнего дня, напоенной ароматом согретых на солнце луговых трав.

Вместе с ветром в спальню заглянул и тонкий полумесяц. Его тусклый свет белесыми нитями пробежал по половицам и устремился к углам, где клубились вязкие тени. Те испуганно шарахнулись в стороны, пятнами заплясали по потолку и ловкими кошками повисли на острых краях окованного сундука.

Я забралась на постель с ногами и крепко сжала в руке плошку с наполовину истаявшей свечой. Ее огонек заплясал от налетевшего порыва ветра и потух. В тот же миг притаившаяся под половиком тень голодным хищником устремилась ко мне. Когтистой рукой ухватила меня за подол сарафана, а затем быстро переместилась к горлу,

но не сжала его. Когти прошлись по нежной коже шеи, оставляя едва заметные царапины, и тут же отступили, стоило мне торопливо щелкнуть пальцами. Получилось не с первого раза, но получилось: по хребту пробежала боль, как от прикосновения горячей головешки. Я тихо охнула и, распахнув глаза, позволила дару вырваться наружу: огненные зарницы промелькнули в волосах, заплетенных в тугую косу, с подрагивающих пальцев посыпались золотистые искры. Они огненным дождем упали на скрипучие половицы, но не прожгли ни одной дырки.

Тени закружились в мрачном хороводе и медленно, неохотно истаяли, будто туман поутру. Я с трудом перевела дух. Облегчение затопило душу, как паводок, и словно вспугнуло огненный дар: тот, сонно зашипев, свернулся внутри меня безобидной ящеркой и, кажется, и правда уснул. Я застыла, ошарашенная, оглушенная таким исходом. Затрясла ладонью, призывая пламя обратно, но ничего не почувствовала — ни боли, ни жжения. Спальня снова погрузилась в скребущую когтями темноту — вязкую, как омут, в котором легко захлебнуться и пойти ко дну.

Прежде единая тьма вновь распалась, и ко мне устремились самые страшные создания из всех когда-либо сотворенных природой или людским разумом. Я замотала головой и закрыла глаза, сиюсь призвать свою стихию: огневица из меня, как ни крути, была слабенькая. Ведьмовской обряд я еще не прошла и в полную силу не вступила. Баба-Яга, моя наставница, все готовила меня к этому часу и потихоньку учила колдовству — костяному, настоящему, на крови завязанному.

Под сомкнутыми веками промелькнули короткие вспышки. В памяти, точно венки, пущенные вниз по

течению полноводной быстрой реки, пронеслись воспоминания: уколотый палец, кровь, угодившая на пламя свечи, алые кляксы на бревенчатых, плохо обтесанных стенах, упавшая булжником тьма, вопль мачехи... Все то, что привело меня к Бабе-Яге, хозяйке избушки на костях.

Неужто все так глупо кончится, не успею и начаться? Оборвется ниточка, когда клубок еще даже наполовину не размотан?

— Ку-ка-кукареку!

Крик — неуместный, неожиданный, как снег в жаркую стужу, — заставил с изумлением распахнуть глаза. На окне, в промежутке поскрипывающих на ветру старых

резных ставен, гордо восседал черный петух. Алый гребешок тяжело мотнулся из стороны в сторону, будто наградной золотой. Желтый крепкий клюв нацелился на тени: прежние хищники опали на пол копошащимися червями и поспешно устремились к щелям в дощатом полу.

— Петя-петушок! — ахнула я и с благодарностью воскликнула: — Иди ко мне, дружок!

Петух заинтересованно склонил голову, высматривая в моих руках угощение. Не увидел его, разочарованно щелкнул клювом, но не ушел. По спальне пронесся шорох крыльев: он переместился с окна на тяжелую крышку сундука. Лапы со шпорами загребуще прошлись по тускло поблескивающей в ночи железной оковке, точно желая оставить на ней метку.

— Ты никак меня спасти надумал? — продолжила я. — Пожалел глупую ведьму?

Петух молча клюнул зазевавшуюся гусеницу-тень. Та промелькнула в распахнутом клюве с длинным алым языком и исчезла. Я вздохнула. Прежде мой сон охранял друг детства, Тим. Но он отправился с поручением Яги в далекое иноземное княжество и вернется нескоро. Без него тени, опьяненные скорой и неизбежной победой, донимали меня каждую ночь с невиданным доселе рвением.

Наставнице я не жаловалась: стыд-то какой — с тьмой не справиться! Поругает Яга да и из избушки выставит. Что за огневица такая, пламенем не владеющая? Знает ведь всякий: огню никакая темнота не страшна.

— Спасибо, дружок, — сказала я. — Выручил, за мной должок!

Я устало прислонилась к стене. Затылок уперся в холодные гладкие кости — из них, словно из обструганных бревен, была сложена избушка. Плечи расслабленно опустились, а тело обмякло. Глаза закрылись сами собой.

Миг — и я провалилась в сон: солнечный, теплый, как и моя любовь к Тиму, по которому меня снедала тоска.

Солнечные лучи ласково пробежались по лицу, с затаенным озорством прикоснулись к щекам и игриво пощекотали ноздри. В носу засвербело, будто кто-то перышком прошелся. Громкий чих, сорвавшийся с губ, пронесся по спаленке и вырвал из сладкой дремы.

— Встаю, уже встаю, — пробурчала я, прикрывая ладонью глаза от яркого света. — Красно Солнышко, мог бы и не будить!

Без зазрения совести поставила бы горсть монет, что совсем рядом раздался хриплый мужской смех — задорный, довольный, уже мне знакомый, а в синеве небесного купола промелькнула тень молодца в расшитом зóлотом алом плаще. Белые кучерявые облака поспешно, точно приставленные к дитю нянюшки, скрыли человеческие очертания за своими пышными юбками.

Ополоснув лицо холодной водой в лоханке, я переплела косу и потянулась к чистому сарафану. На льняной ткани, как забытый подарок, покоилось черное петушиное перо — длинное, на свету переливающееся багрянцем. Я покрутила перо в руке, усмехнулась и спрятала под подушку: пригодится еще. Когда обитаешь в костяной избушке,

окруженной забором из черепов и охраняемой тремя братьями, быстро привыкаешь видеть потаенный смысл даже в простых вещах: иначе на стыке Яви и Нави не выжить.

Дверь с негромким лязгом выпустила меня в коридор с холодными скрипучими половицами. Стены из выбеленных песком времени костей пошли рябью, покрываясь замысловатыми узорами: где-то проступили цветы, где-то — хищные оскалы и острые когти. Позади меня, подпрыгивая, как мелкие докучливые щенки, трусили тени. Стоило обернуться, как они испуганными мышами разбежались по углам. К этому я уже была привыкшей, потому не обращала внимания: днем они мне ничего не сделают — нечисть сильна лишь ночью.

Из стены высунулся костяной указательный палец и любезно постучал по моему плечу.

— Доброго утречка, Афанасий Васильевич, — учтиво откликнулась я. — Как твоё здоровье?

Палец мотнулся влево, затем вправо, а после и вовсе затанцевал на месте. Я терпеливо выслушала ответ и с состраданием заметила:

— Погода меняется, вот и ломит кости. Ничего, потерпи, родной, немного: я тебе мазь из буковицы принесу — все как рукой снимет!

Я запоздало прикусила язык, с которого неосторожно сорвалось столь привычное, но неловкое и глупое сравнение. Странное, точно озорной мальчишка, оказавшийся вдруг певчим в церковном хоре.

Афанасий Васильевич (кем бы он ни был до того, как его кости стали основой избушки) по-дружески коснулся кончика моего носа и исчез в ряби стены, будто в омуте. Я покачала головой и ускорила шаг. Возле трапезной

ненадолго остановилась, оправила сарафан, цыкнула на особо ретивые тени у подола и перешагнула порог.

В большие резные окна, прикрытые полупрозрачными занавесками, заглядывало солнце. Его яркие лучи скользили по гладкому деревянному полу и золотистыми завитками играли на расшитой скатерти на высоком столе. Таком длинном, что он протянулся вдоль всей стены.

За скатертью-самобранкой восседали Кощей и Леший и с азартом резались в карты.

— А что на это скажешь, пень ты мой яхонтовый? — промурлыкал Кощей и резко бросил на стол карту. На длинных пальцах сверкнули камни перстней. — Есть чем крыть-то?

В бархатном голосе Кощей хищником притаилось нетерпение. Друг Яги (а может, и ее любовник, поди разбери, что за отношения их связывают!) любому делу отдавался со всей страстью, как если бы и не умел иначе. Вот и сейчас играл так, словно целое царство на кону. Волосы цвета спелой пшеницы, на днях обрубленные по плечи, топорщились на макушке. Атласная рубашка (заморская, не наша) с мелкими жемчужными пуговичками была растегнута до самой широкой груди. На ней покачивался деревянный оберег на тонкой цепочке. Кощей закатал рукава до локтей, обнажив покрытую золотистым загаром кожу. В прищуренных глазах цвета сочной листвы и колдовства полыхало задорное пламя.

— А ты меня не торопи, угодник бабский! — проскрипел Леший. На кончике его длинного носа, точно бородавка, сидел крошечный желудь. — Чай не под березкой в ночи свиделись! Это токмо в любовных утехах спешка нужна, а в картах думать надо...

Кощей фыркнул и с насмешкой сложил руки на груди. Карты при этом он предусмотрительно сжал в ладони так крепко, что, как ни приглядывайся, не разобрать, что там за рубашкой притаилось.

Взгляд Лешего метнулся к чужим картам, а затем с разочарованием вернулся к своим. Длинный острый нос досадливо дернулся, и на пол полетела шапочка желудка.

— Доброе утро, — поздоровалась я, садясь за стол. Кощей, не поднимаясь с лавки, чуть подвинулся. — А где Яга?

— В подполе, срезанные вчера травы разбирает.

А может, воровит, кто ее знает.

Я кивнула и потянулась к самовару, стоящему на краю стола. Кощей, ненадолго оторвавшись от игры, услужливо забрал мою чашку и вернул наполненную горячим ароматным чаем. По трапезной пополз густой запах хвои. Это Леший вытащил из ушей старые шишки, потряс их и вставил обратно.

Я осторожно поднесла к губам исходящую паром кружку. Прежде чем сделать глоток, прикрыла глаза, вдыхая разногослье трав и позволяя ему затуманить на миг голову, а затем пригубила крепкий чай. Его терпкая сладость, отдающая ромашкой, земляникой и душицей, прокатилась по горлу и чуть обожгла небо.

— Ну, надумал чего? — Кощей подался вперед, одарил Лешего широкой белозубой улыбкой и, понизив голос, доверительно добавил: — Не бойся, друг мой трухлявый, я должок не соболиными шкурами возьму.

Леший поморщился. На белом как береста лице проступило раздражение. Кустистые брови сошлись в одну

линию. Он запустил узловатые пальцы в зеленую всклокоченную бороду и принялся задумчиво распутывать колтуны.

— А чем возьмешь, бес ясноглазый? Выгоды-то своей не упустишь...

Я потянулась к вязанке бубликов, но передумала и в итоге пододвинула к себе поближе тарелку с блинами и плоску с медом. Чуть поодаль высился смазанный маслом каравай, а за ним — пироги с рыбой и ягодой, яблочная пастила и печатные пряники. Скатерть-самобранка всегда угощала щедро, чтобы даже самый взыскательный гость не смог уйти голодным.

— Меха да золото мне не надобны, — деловито ответил Кощей и, отвернувшись от Лешего, беззаботно подмигнул мне: — Другое нынче в цене. Да, свет очей моих?

Еще не так давно я бы залилась румянцем от смущения, но за время, проведенное бок о бок с Кошеем, попривыкла к его шалопайству и жажде очаровать каждого. Чуяла: за этим стояло нечто большее, чем пустое петушиное желание распустить хвост и покрасоваться перед всем двором.

Ветер хлопнул ставнями и вместе с костяной пылью и парой зеленых листочков принес с собой отголосок чужого крика. Я резко выпрямилась на лавке и, как собака, учуявшая зверя, вскинула голову.

— Слышите?

— Не-а, — раздраженно ответил Леший. — Не отвлекай, смутьянка.

Я было притихла, но тут с улицы донесся новый стон — протяжный, наполненный болью, точно корыто водой, и заставил подняться из-за стола. Босые ступни

прошлись по половику, прикрывавшему дощатый пол, и едва не запнулись о его края. Свесившись по пояс из окна, я высунулась наружу и цепким взглядом обвела двор: высокий забор из костей, старый заброшенный колодезь, на дне которого плескалась тьма, добротную низенькую баньку, чуть покосившийся курятник с мельтешащими возле него желтыми цыплятами и хохлатыми курицами — везде царили тишь да гладь, ничто не предвещало беды.

Почудилось?

— Ну что там?

Кощей с кошачьей мягкостью подкрался ко мне сзади, его острый подбородок уперся в мое плечо. В этот миг костяная калитка с черепом вместо запора громыхнула и затряслась, как девица в ознобе.

— Прошу! — донеслось с той стороны забора. — Помогите!

Я оттолкнула Кощея и понеслась на улицу. Не чуя под собой ног, миновала коридор, сени и кубарем скатилась по невысоким ступеням крыльца. Только перевела дух, как заметила Кощея: тот попросту сиганул в окно, срезав тем самым путь. Я тихонько вздохнула: хорошая мысль, жаль, что она забрела не в мою головушку.

С колотящимся сердцем я первой подошла к калитке. Страх не было. Я знала, что в избушку так просто не попасть: если хозяева не захотят отворить дверь гостю, тот вовек не перешагнет порога. И все же пальцы, ухватившись за выбеленные кости, обглоданные то ли временем, то ли псами, подрагивали — не от испуга, нет. От предчувствия грядущего — темного, жаркого, как огонь в ночи, сунутый прямо под нос.

За время, проведенное в избушке, я почти привыкла к морокам — к подбрасываемым, как щенята, видениям, смысл которых зачастую ускользал от меня. На этот же раз разум заволокло белесым молочным туманом так резко, что я покачнулась, точно на мокрые мостки шагнула. Пришедший образ оглушил, заставил слепо взглядеться в него: избушка, робко встающая на мощные куриные лапы. Я пораженно моргнула — и все исчезло, будто смытый водой рисунок на песке.

— Помогите... — вновь раздалось из-за высокого забора. — Пожалуйста...

Голос звучал тихо, как мяуканье слабого котенка. Мольба в нем мешалась с отчаянием. Не раздумывая больше, я рванула калитку на себя. На мое плечо запоздало легла рука Коцея.

— Охолонись, подумай. Может...

Я покачала головой. Жалость раздирала сердце вороньим клювом.

К моим ногам, словно мешок с землей, рухнула путница. Ее изрядно поношенная рубашка покрылась пылью, порванный подол сарафана оголял грязные босые ноги. Седые растрепанные волосы выбились из косы и торчали на макушке колтунами. Худобу — болезненную, недобрую — не могла скрыть даже просторная одежда.

Путница глухо застонала и с трудом перевернулась на спину, явив нам изрезанное глубокими морщинами лицо с сухими обветренными губами. Они слабо шевельнулись, и я опустилась на колени, чтобы склонить голову и услышать тихие, почти неразличимые, как шелест воды, слова:

— Помоги... Ведьма, помоги...

Путница распахнула глаза, и я вздрогнула. На меня смотрели ярко-синие, будто самоцветы, глаза совсем молодой девчухи, а не пожившей на свете старухи.

За спиной скрипнули ступени крыльца. Я обернулась так резко, что тугая коса хлестнула по щеке, и я отбросила ее за спину, как змею. Пальцы соприкоснулись с волосами, и в прядях замелькали золотые искорки: огненный дар, до этого мирно посапывавший внутри свернувшейся ящеркой, поднимал голову, норовил вырваться наружу.

Голос Яги, спокойный, размеренный, холодноватый, как вода в горном ручье, раздался совсем рядом:

— Помочь, говоришь? — проговорила она.

Красивое молодое лицо моей наставницы, лишенное шрамов, которые оставляет время, сделалось задумчивым. Ее глаза цвета подтопленного льда прищурились, точно высматривая что-то в облике незваной гости, заглядывая под криво наклепленную маску. Подол добротного платья цвета раскаленного заката прощуршал по мелким камешкам и траве. Яга оказалась подле гостыи, возвышаясь над ней и глядя сверху вниз зорко и пристально, но без надменности. Миг — и моя наставница опустила на колени перед путницей. Белые холеные руки, которые не могла испортить никакая работа, коснулись изможденного старческого лица и бережно убрали со щеки седые пряди. На длинных пальцах, унизанных перстнями, сверкнули драгоценные камни — такие прозрачные, чистые, будто оброненные тайком слезы. Я отметила это мельком, потому что обычно Яга носила яхонты: те на свету переливались каплями свежепролитой крови.

— Кто же с тобой это сотворил, девочка? — тихо спросила Яга.